

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902«637»(571.1)

С.А. Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет, Кемерово, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ В ИЗУЧЕНИИ ИРМЕНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ (середина 1950-х – 1960-е гг.)

Данная работа посвящена рассмотрению исследовательских концепций, сложившихся в середине 1950-х гг. – 1960-е гг. и посвященных реконструкции культурно-исторических процессов на юге Западной Сибири в период поздней бронзы. Нами показано, что формирование концепций происходило в период начала расцвета сибирской археологии, на основе увеличения источникового фонда, широкомасштабных раскопок как в ранее известных регионах (Алтайское, Новосибирское, Томское Приобье, Нижнее Притомье), так и на новых территориях (Кузнецкая котловина, Бараба, лесостепное Прииртышье). Изучение трудов М.П. Грязнова, Н.Л. Членовой, М.Ф. Косарева, Т.Н. Троицкой и других авторов дало возможность провести их сравнительный анализ, выявить общее и особенное, показать пути эволюции представлений исследователей по таким вопросам, как происхождение культуры, ее компонентный состав, хронология и периодизация, взаимодействие с другими культурными образованиями, территориальные границы, локальные различия, исторические судьбы, а также реконструкция социальных процессов и хозяйственной деятельности. Это позволило выявить особенности восприятия специалистами ирменских древностей, характерные именно для данного этапа развития археологии Сибири.

Ключевые слова: концепция, сибирская археология, карасукская эпоха, ирменская культурно-историческая общность, поселения, погребально-поминальные памятники.

DOI: 10.14258/traip(2018)1(21).-01

Введение

Ирменская культурно-историческая общность (в традиционном понимании культуры. – С.К.) достаточно хорошо изучена специалистами. За более чем 100-летнюю историю исследования ее материалов было высказано большое количество точек зрения по ключевым вопросам культурогенеза. Формировались и различные научные концепции, рассматривающие изучаемые памятники в рамках карасукской культуры или эпохи, еловско-ирменской, а также собственно ирменской культуры. Подробный анализ существующих концепций проведен нами в рамках диссертационного исследования [Ковалевский, 2016]. Формирование новых концептуальных подходов стало возможным благодаря тому, что к середине 1950-х гг. были исследованы достаточно показательные поселенческие и погребально-поминальные памятники периода поздней бронзы на Верхней Оби (Ближние Елбаны-IV, Ирмень-I) и Нижнем Притомье (Басандайка). В общей сложности к этому времени было открыто и в разной степени изучено более 30 памятников (преимущественно на территории Верхнего Приобья). Эти материалы позволили М.П. Грязнову, Н.Л. Членовой, М.Ф. Косареву, Т.Н. Троицкой и другим специалистам разработать и предложить свои концепции культурогенеза, объясняющие процессы, происходившие в период поздней бронзы на территории Западносибирской лесостепи. Оформление этих концепций следует считать началом нового этапа изучения ирменских древностей, продолжавшегося до рубежа 1960-х –

1970-х гг. Анализ концептуальных подходов, сложившихся на этом этапе, и является целью данной работы.

Середина 1950-х гг. воспринимается сегодня как время начала расцвета сибирской археологии, что во многом было связано с происходившими в СССР социально-политическими процессами. Это дало возможность ученым дискутировать по проблемам развития древнего и средневекового общества, высказывать различные точки зрения. Именно в это время был создан Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (1966 г.), а также появились специалисты-археологи (А.П. Окладников, А.П. Уманский, В.И. Матющенко, А.И. Мартынов, Т.Н. Троицкая и др.) [Китова, 2014, с. 29–30].

В данный период значительно расширился и круг учреждений, занимавшихся археологическими изысканиями. Такие исследования на протяжении всего периода осуществлялись как центральными (Институт археологии АН СССР) и местными музейными учреждениями, так и специализированными подразделениями вузов. Полевые работы проводились археологическими экспедициями Барнаульского, Новосибирского, Кемеровского педагогических институтов, Томского государственного университета, Уральской археологической экспедицией.

Методы, материалы и результаты исследований

В течение данного периода, несмотря на увеличение количества открытых и полностью изученных памятников периода поздней бронзы (либо раскопанных значительными площадями), их число оставалось небольшим. Среди наиболее крупных полевых работ этого периода следует выделить раскопки таких памятников, как Пьяново, Иваново-Родионово и Тарасово (Кузнецкая котловина), Плотинная-I, Суртайка-I и Камышенка (Алтайское Приобье), Еловское поселение и ЕК-II могильник (Томское Приобье), поселений Красный Яр-IV, Умна-I, Камень-II, Чучка-VII (Новосибирское Приобье), Черноозёрье-VIII, городищ Розановское и Большой Лог (Омское Прииртышье).

Введение в научный оборот новых материалов, а также анализ ранее исследованных памятников позволили специалистам предложить собственные концептуальные подходы, посвященные процессам культурогенеза в эпоху поздней бронзы. На протяжении предшествующего периода изучения материалы позднего бронзового века лесостепной части Западной Сибири отождествлялись учеными с древностями карасукской культуры. В середине 1950-х гг. известный советский археолог М.П. Грязнов обобщил результаты изучения карасукских памятников (поселения Ирмень-I, Дальние Елбаны-I, Енисейское, могильники Ближние Елбаны-IV, Долгая Грива, Змеёвка) на территории Верхнего Приобья.

По его мнению, племена карасукского времени Казахстана и Сибири, в отличие от андроновских племен, не обнаруживают единства и их следует рассматривать в рамках не культуры, а «карасукской эпохи» (в виде шести самостоятельных вариантов, с перспективой выделения еще четырех). Были намечены и примерные границы расселения верхнеобских и новосибирских племен, а также их этнографическое своеобразие. Выделенные варианты были сопоставлены с отдельными этническими (племенными) группами. Сложение карасукского населения Верхней Оби (верхнеобский и новосибирский варианты) происходило, как считал специалист, на рубеже II–I тыс. до н.э. на основе предшествующей андроновской культуры, при определенных контактах с племенами Енисея. Была обозначена и динамика развития материальной культуры

верхнеобского карасукского населения, проявившаяся, по наблюдению исследователя, в эволюции керамической посуды. В частности, им были выделены ранний (гладкостенный) и поздний (воротничковый) типы керамики.

Развитие карасукского типа культуры на Верхней Оби завершалось перерастанием его в конце VIII – начале VII в. до н.э. в большебереченский этап большебереченской культуры. Специалист продемонстрировал преемственность в керамической посуде (форма и орнаментация) между памятниками карасукского и большебереченского времени, отметив, что переходный период от одной культуры к другой был кратким. Говоря о хозяйственных занятиях карасукского населения Верхней Оби, М.П. Грязнов предполагал их пастушеско-земледельческий характер (как и в андроновское время), при незначительной роли охоты и рыболовства [1956а, с. 27–42; 1956б, с. 26–43].

Концептуальные положения, высказанные М.П. Грязновым, были в целом приняты такими сибирскими специалистами, как У.Э. Эрдниев, А.И. Мартынов, А.П. Уманский, Т.Н. Троицкая, работавшими в различных региональных научных центрах (Сталинск, Кемерово, Барнаул, Новосибирск). Уральские специалисты во главе В.Ф. Генингом также руководствовались данной концепцией при изучении материалов периода поздней бронзы.

Сотрудником сталинского городского краеведческого музея У.Э. Эрдниевым в первой половине 1950-х гг. были проведены раскопки на городище Маяк. Полученные материалы были отнесены им к карасукской эпохе и датированы XII–VIII вв. до н.э. [Эрдниев, 1960, с. 15–17].

Кемеровским археологом А.И. Мартыновым на основании материалов трех раскопанных в первой половине 1960-х гг. курганных могильников периода поздней бронзы в долине р. Иня (Кузнецкая котловина) был выделен новый инской вариант карасукской культуры. Его происхождение связывалось специалистом с андроновскими древностями. Допускалось и воздействие минусинского карасукского компонента. Исследованные могильники, на основании того, что вся посуда из погребений и насыпей курганов относилась к гладкостенному типу (по классификации М.П. Грязнова), были отнесены А.И. Мартыновым [1964, с. 122–133; 1966, с. 164–182] к раннему периоду существования карасукской культуры.

Барнаульский археолог А.П. Уманский, раскопавший в 1968–1971 гг. грунтовый могильник Плотинная-I, также первоначально отождествил полученные материалы с верхнеобским вариантом карасукской культуры, выделенным ранее М.П. Грязновым. Формирование карасукских древностей Алтая А.П. Уманский связывал с андроновской культурой. Опираясь на периодизацию М.П. Грязнова, он датировал данный памятник карасукско-каменноложским временем (в пределах XI–X вв. до н.э.) [Уманский, 1972, с. 22–26].

Новосибирский археолог Т.Н. Троицкая, изучавшая материалы периода поздней бронзы достаточно продолжительное время, на основании целого ряда исследованных памятников (поселения Ирмень-I, Красный Яр-IV, Умна-I, Камень-II, Чучка-VII, Батурино-I, -III, Берёзовый остров, курганы в могильниках Ордынское-I, Милованово-I, Камень-I, Красный Яр-Ig и др.) реконструировала культурно-исторические процессы, протекавшие на территории Новосибирского Приобья в древности.

Достоинством научной работы Т.Н. Троицкой, написанной в 1967 г., а изданной в 1974 г., является не только количество привлеченных для анализа источников,

но и то, что она творчески подошла к их анализу. Придерживаясь в целом концепции М.П. Грязнова о карасукской принадлежности памятников Новосибирского Приобья, Т.Н. Троицкая отождествила понятия «эпоха» и «культура». Под карасукской культурой она понимала общность, которая состоит из групп населения со своей этнической спецификой, различиями в хозяйственной деятельности, материальной культуре.

Детально проведенный анализ керамики карасукских поселений Новосибирского Приобья позволил ей говорить о трех группах таких памятников. Орнаментация выделенных групп была сопоставлена с предшествующими андроновскими и последующими завьяловскими материалами. Результатом стало выделение Т.Н. Троицкой трех последовательных этапов эволюции карасукской культуры на изучаемой территории. Соответственно была предложена и достаточно «длинная» хронология, нижняя граница которой определялась завершением андроновской и формированием карасукской культуры (XII–X вв. до н.э.), а верхняя – перерастанием «карасука» в древности завьяловского типа (VIII–VII вв. до н.э.).

В этой связи Т.Н. Троицкой были высказаны критические замечания о достаточно поздней датировке ирменской культуры, предложенной Н.Л. Членовой [1955]. Т.Н. Троицкая справедливо полагала, что население периода поздней бронзы прошло достаточно долгий путь развития и его культура никак не могла сформироваться в VIII в. до н.э. Вместе с тем Т.Н. Троицкая выступила и против точки зрения М.Ф. Косарева [1964а, с. 85] о происхождении ирменских памятников от еловской культуры. Она считала, что еловская керамика не предшествует ирменской, а одновременна ей. Происхождение карасукской культуры Новосибирского Приобья рассматривалось Т.Н. Троицкой как результат взаимодействия андроновского и «лесного» компонентов.

Достаточно традиционно, в русле концепции М.П. Грязнова, рассматривалась и хозяйственная деятельность карасукского населения, определявшаяся как примитивное пастушеское скотоводство с зимним содержанием скота в жилищах. Предполагалось наличие мотыжного земледелия, подсобной роли охоты и рыболовства, а также домашних ремесел (обработка металлов, ткачество, производство костяных изделий). Социальные отношения были определены как патриархальный родовой строй, а религиозные – как культ огня и домашних духов [Троицкая, 1974, с. 32–46].

В конце 1960-х гг. Т.Н. Троицкой на основании исследований поселений Завьялово-I, V была пересмотрена схема М.П. Грязнова об автохтонной линии развития племен Верхней Оби. Было высказано предположение о перерастании карасукской культуры не в большереченскую, а в так называемый завьяловский тип, сформировавшийся как результат взаимодействия карасукской и северной тасжской традиций. По мнению Т.Н. Троицкой, завьяловский керамический комплекс обнаруживает большее сходство с карасукской керамикой, чем с большереченской. Исходя из этого завьяловский тип керамики был отнесен к последнему этапу эпохи бронзы [Троицкая, 1968, с. 99–104; 1972, с. 3–35].

Стоит отметить, что определенное возвращение к идеям, высказанным в 1967 г. Т.Н. Троицкой, произошло уже в 1980-е гг., когда на более широкой основе ее ученики Е.А. Сидоров и А.В. Матвеев разработали свои концепции развития ирменской культуры.

В русле концепции М.П. Грязнова о карасукской принадлежности памятников периода поздней бронзы сформулировали свои выводы и уральские археологи во главе

с В.Ф. Генингом, работавшие в 1961–1969 гг. на территории Омского Прииртышья. Согласно разработанной специалистами схеме культурно-исторического развития этого региона, период поздней бронзы представлен здесь поселениями трех основных типов. Эти типы были соотнесены с тремя хронологическими этапами: черноозерским (андроновским), розановским (карасукским) и большеложским (нач. I тыс. до н.э.).

Розановский этап был выделен специалистами на основе раскопок и изучения материалов Розановского городища и Черноозерского поселения. Данные памятники, на основании сравнительного анализа с материалами Новосибирского Приобья (домостроительные традиции, керамика), были отнесены к кругу культур карасукского типа. При этом отмечалось, что памятники розановского типа из Омского Прииртышья являются северо-западной периферией распространения в последней четверти II тыс. до н.э. на гигантской территории от Минусинской котловины до водораздела Иртыша и Ишима общекарасукских форм. Вместе с тем исследователи писали, что формирование населения розановского этапа происходило на местной андроновской основе, а пришлый, карасукский компонент не был слишком значимым.

Говоря о взаимодействии розановского и сузгунского населения, специалисты фактически отвергли высказанные ранее точки зрения об участии еловско-десятовского (М.Ф. Косарев) и лесного (Н.Л. Членова) компонентов в формировании ирменской культуры. Происхождение большеложского типа, завершающего эпоху бронзы в Омском Прииртышье, исследователи выводили из розановского типа, подвергнувшись сильному воздействию со стороны потомков местных черноозерских племен, а также некоего степного влияния [Генинг и др., 1970, с. 12–51].

В середине 1950-х гг. Н.Л. Членова, используя материалы нескольких поселений лесостепной части Западной Сибири, выделила ирменскую археологическую культуру [Членова, 1955, с. 38–57]. Основой выделения новой культуры стали, главным образом, материалы поселения Ирмень-I, раскопанного М.П. Грязновым в первой половине 1950-х гг. Вместе с тем Н.Л. Членова не согласилась со специалистом, относившим материалы этого памятника (и ряда других) к карасукской эпохе. Критериями единичности изученных Н.Л. Членовой поселений выступили сходство морфологии и декора керамики (геометрическая орнаментация, а также использование мотивов «жемчужник» и «сетка»). Стоит отметить, что в число ирменских тогда попали как достаточно поздние (находки у д. Осинцевой, Большой Лог, Кузнецк), так и инокультурные памятники (находки с горы Изых). Вероятно, это отчасти объясняет отнесение исследователем этих памятников к предскифскому времени и достаточно позднюю датировку культуры в рамках VIII в. до н.э. Вместе с тем ирменские памятники, раскопанные М.П. Грязновым на территории Барнаульского Приобья, в эту сводку не попали и рассматривались Н.Л. Членовой как карасукские. Так, приступая в конце 1960-х гг. к полевым исследованиям курганных могильников Суртайка-I и Камышенка, а также поселения на Долгой Гриве, исследователь относил их первоначально к карасукской эпохе [Членова, 1969, с. 1, 25, 26]. Фактически только с 1970-го г. Н.Л. Членова стала рассматривать памятники лесостепного Алтая в рамках ирменской культуры.

Культура была названа по наиболее полно изученному памятнику (Ирмень-I). Происхождение вновь выделенной культуры связывалось Н.Л. Членовой с андроновским и «лесным» компонентами. Было признано и определенное карасукское (минусинское) влияние. В числе родственных ирменской Н.Л. Членовой были названы

культуры Алтайского Приобья, Восточного и Центрального Казахстана, также сформировавшиеся на андроновской основе и определенного карасукского воздействия.

Формирующаяся концепция Н.Л. Членовой не была поддержана в изучаемый период большинством сибирских специалистов и до начала 1970-х гг. оставалась «вещью в себе». Вместе с тем уже в 1960-е гг. эту концепцию во многом принял и развил московский археолог М.Ф. Косарев, а затем и томский специалист В.А. Посредников.

М.Ф. Косаревым в первой половине 1960-х гг. для территории Обь-Иртышья были выделены две новые археологические культуры: еловская и молчановская. В то же самое время специалист выступил против отнесения М.П. Грязновым и его последователями ирменских памятников к различным вариантам карасукской культуры или общности. По мнению ученого, сходство культурных образований Западносибирской лесостепи, отмеченное М.П. Грязновым, действительно существует. Но в основе этого сходства лежит не принадлежность к единой культурной общности, а общность происхождения, единый тоболо-иртышский (екатерининский) субстрат.

Поддержав выделение Н.Л. Членовой ирменской культуры для территорий Ново-сибирского Приобья и Притомья, М.Ф. Косарев отнес исследованные материалы южной части Среднего Приобья к так называемому басандайско-ирменскому типу. Стоит отметить, что отдельные положения концепции Н.Л. Членовой были подвергнуты М.Ф. Косаревым критике. Так, он выступал против недооценки Н.Л. Членовой роли карасукского и переоценки андроновского и «лесного» компонентов в генезисе ирменской культуры. Также М.Ф. Косарев не считал правильным широко распространять территорию расселения ирменского населения за пределы Новосибирско-Томского Приобья.

Интересно, что памятники ирменской и молчановской культур М.Ф. Косарев относил в 1960-е гг. не к периоду поздней бронзы, а к переходному периоду от бронзового века к железному. В отличие от других специалистов, связывавших происхождение ирменской культуры с андроновским субстратом, М.Ф. Косарев проследил генетическую связь керамики басандайско-ирменского типа с еловско-десятовской. Были предложены и даты: для еловской культуры – XII–X вв. до н.э., а для ирменской – IX–VIII вв. до н.э. На основании этих наблюдений был сделан вывод о происхождении басандайско-ирменского населения южной части Среднего Приобья от еловской культуры. Этот вывод фактически поддержал В.А. Посредников [1969, с. 171]. Стоит отметить, что точка зрения М.Ф. Косарева подвергалась критике [см. напр.: Троицкая, 1974, с. 42]. Тем не менее, уже в 1970-е гг. она была принята большинством специалистов.

В качестве катализатора ирменского культуругенеза на территориях Нижнего Притомья и Приобья М.Ф. Косаревым признавалось значительное воздействие на еловско-десятовское население минусинского карасукского компонента, проявившееся в орнаментации керамики и массовом распространении карасукских бронзовых вещей, повлиявшем на «подавление» местной андронидной металлургии.

Значительное внимание в своих исследованиях тех лет М.Ф. Косарев уделял вопросам реконструкции хозяйственной деятельности древнего населения, а также влиянию роли экологического фактора в культурно-исторических процессах, происходивших на территории Западной Сибири в изучаемый период. Основываясь на выводе М.П. Грязнова о пастушеско-земледельческом типе хозяйства ирменского населения, М.Ф. Косарев показал некоторое повышение роли скотоводства от еловской культу-

ры к ирменской, что объяснил воздействием минусинского карасукского населения, практиковавшего скотоводческое хозяйство. На основании использования почвенного метода реставрации ландшафтных зон, а также привлечения археологических и палеогеографических данных М.Ф. Косаревым были сделаны выводы о распространении степных ландшафтов и, соответственно, степного населения далеко на север в еловское время и об обратном наступлении леса на степь в переходное время от бронзового века к железному, что привело к миграциям на юг северных таежных племен и формированию культуры молчановского типа [Косарев, 1964б, с. 9–11; 1964в, с. 37–44; 1964г, с. 169–175; 1966, с. 24–32].

Томские археологи В.И. Матющенко и Л.Г. Игольникова на основании анализа материалов Еловского поселения сделали вывод об особой культуре (отличной от ирменской), существовавшей на территориях Томского Приобья и Нижнего Притомья в X–VII вв. до н.э. и сложившейся на базе томской культуры, при незначительном воздействии южносибирских племен [Матющенко, Игольникова, 1966, с. 183–195]. Фактически же исследователи объединили тогда в рамках единой культуры материалы двух различных культурных образований (еловского и ирменского). При этом еловские и ирменские материалы не разделялись в культурном и хронологическом отношении. Впоследствии В.И. Матющенко [1974] предложил концепцию единой еловско-ирменской культуры, состоящей из двух последовательных этапов: еловского и ирменского, что уже, в свою очередь, не нашло поддержки у специалистов.

Заключение

Таким образом, во второй половине 1950-х – 1960-е гг. благодаря исследованиям В.Ф. Генинга, А.И. Мартынова, В.И. Матющенко, М.Ф. Косарева, В.И. Стефанова, Т.Н. Троицкой, А.П. Уманского, Н.Л. Членовой и других специалистов значительно увеличился источниковый фонд памятников периода поздней бронзы. Масштабные работы были проведены на территориях Алтайского, Новосибирского и Томского Приобья. Началось изучение Кузнецкой котловины, Барабинской лесостепи, лесостепного Прииртышья.

Данный период знаменуется, с одной стороны, завершением многолетних исследований памятников периода поздней бронзы М.П. Грязновым, что воплотилось в виде концепции формирования на территории Западной Сибири различных вариантов карасукской эпохи (культуры). Данный концептуальный подход получил признание и дальнейшее развитие в трудах сибирских и уральских археологов, занимавшихся данной проблематикой (А.И. Мартынов, А.П. Уманский, Т.Н. Троицкая, В.Ф. Генинг, В.И. Стефанов). С другой стороны, Н.Л. Членовой была предложена альтернативная концепция развития самостоятельной ирменской культуры, не получившая в тот период столь широкой поддержки. Вместе с тем М.Ф. Косаревым и В.А. Посредниковым ирменская культура была признана уже в 1960-е гг. В эти же годы формировалась концепция еловско-ирменской культуры В.И. Матющенко, получившая развитие в 1970-е гг.

На рубеже 1960–1970-х гг. происходит определенная смена приоритетов. Представления о карасукской принадлежности памятников юга Западной Сибири становятся частью истории. Утверждается концепция ирменской культуры, получившая в 1970–1980-е гг. поддержку абсолютного большинства специалистов, занимавшихся археологией Сибири (в том числе рассматривавших ранее ирменские памятники в рамках карасукской культуры).

Библиографический список

- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 12–51.
- Грязнов М.П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. 1956а. №64. С. 27–42.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956б. 163 с. (МИА, №48).
- Китова Л.Ю. К вопросу о становлении сибирской археологии и критериях периодизации ее истории // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. №3 (59). Т. 2. С. 24–30.
- Ковалевский С.А. Ирменские древности юга Западной Сибири: история изучения и исследовательские концепции : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2016. 43 с.
- Косарев М.Ф. Десятовское поселение // КСИА. 1964а. Вып. 97. С. 82–87.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век среднего Обь-Иртышья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964б. 15 с.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья // Советская археология. 1964в. №3. С. 37–44.
- Косарев М.Ф. О происхождении ирменской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М. : Наука, 1964г. С. 169–175.
- Косарев М.Ф. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья // Советская археология. 1966. №2. С. 24–32.
- Мартынов А.И. Новый район карасукской культуры // Советская археология. 1964. №2. С. 122–133.
- Мартынов А.И. Карасукская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Сибирский археологический сборник. Новосибирск : Наука, 1966. С. 164–182.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Вып. 12. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. 196 с.
- Матющенко В.И., Игольникова Л.Г. Поселение Еловка – памятник второго этапа бронзового века Средней Оби // Древняя Сибирь. Вып. 2. Новосибирск : Наука, 1966. С. 183–195.
- Посредников В.А. Томское Приобье в карасукское время // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 171.
- Троицкая Т.Н. Поселение VII–VI вв. до н.э. у с. Завьялово Новосибирской области // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 99–104.
- Троицкая Т.Н. Новосибирское Приобье в VII–VI вв. до н.э. // Вопросы археологии Сибири. Вып. 38. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ин-т, 1972. С. 3–35.
- Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1974. С. 32–46.
- Уманский А.П. Могильник карасукского времени у ст. Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года // Археология и краеведение Алтая. Барнаул : Алтайское кн. изд-во, 1972. С. 22–26.
- Членова Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // Советская археология. 1955. №23. С. 38–57.
- Членова Н.Л. Отчет о работах Алтайского отряда Западно-Сибирской экспедиции. Раскопки курганов у д. Камышенка в 1969 г. // Архив ИА РАН, Р-1, №4020, 4020а. М., 1969.
- Эрдниев У.Э. Городище Маяк. Научно-популярный очерк. Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1960. 68 с.

References

- Gening V.F., Gusencova T.M., Kondrat'ev O.M., Stefanov V.I., Trofimenko V.S. Periodizacija poseleńij jepohi neolita i bronzovogo veka Srednego Priirtysh'ja [Periodization of the Settlements of the Neolithic and Bronze Age of the Middle Irtysh Region]. Problemy hronologii i kul'turnoj prinadlezhnosti arheologičeskikh pamjatnikov Zapadnoj Sibiri [Problems of Chronology and Cultural Affiliation of Archaeological Monuments of Western Siberia]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1970. Pp. 12–51.

Grjaznov M.P. K voprosu o kul'turah pozdnej bronzy v Sibiri [On the Question of the Cultures of Late Bronze in Siberia]. KSIIMK. 1956a. №64. Pp. 27–42.

Grjaznov M.P. Istorija drevnih plemen Verhnej Obi po raskopkam bliz sela Bol'shaja Rechka [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob River in the Excavations near the Bolshaya Rechka Village]. M. ; L.: Izd-vo AN SSSR, 1956b. 163 p. (MIA, №48).

Kitova L.Ju. K voprosu o stanovlenii Sibirskoj arheologii i kriterijah periodizacii ejo istorii [On the Question of the Formation of Siberian Archeology and the Criteria for the Periodization of its History]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2014. №3 (59). Vol. 2. Pp. 24–30.

Kovalevskij S.A. Irmenskie drevnosti juga Zapadnoj Sibiri: istorija izuchenija i issledovatel'skie koncepcii : avtoref. dis. ... doc. Istor. Nauk [Irmenski Antiquities of the south of Western Siberia: the History of Study and Research Concepts : the synopsis of dis. ... Dr. Hist. Sciences]. Barnaul, 2016. 43p.

Kosarev M.F. Desjatonvskoe poselenie [Desyatovskoye Settlement]. KSIA. 1964a. Issue 97. Pp. 82–87.

Kosarev M.F. Bronzovyy vek srednego Ob'-Irtys'h'ja : avtoref. dis... kand. ist. Nauk [Bronze Age of the Middle Ob-Irtys'ha Area : Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Science]. M., 1964b. 15 p.

Kosarev M.F. Bronzovyy vek lesnogo Ob'-Irtys'h'ja [Bronze Age of the Forest Ob-Irtys'ha Area]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1964v. №3. Pp. 37–44.

Kosarev M.F. O proishozhdenii irmenskoj kul'tury [On the Origin of the Irmenskaya Culture]. Pamjatniki kamennogo i bronzovogo vekov Evrazii [Monuments of the Stone and Bronze Ages of Eurasia]. M. : Nauka, 1964g. Pp. 169–175.

Kosarev M.F. Nekotorye problemi drevnej istorii Ob'-Irtys'h'ja [Some Problems of the Ancient History of the Ob-Irtys'ha Area]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1966. №2. Pp. 24–32.

Martynov A.I. Novyy rajon karasukskoj kul'tury [New Area of Karasukskaya Culture]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1964. №2. Pp. 122–133.

Martynov A.I. Karasukskaja jepoha v Ob'-Chulymskom mezhdurech'e [Karasuk Era in the Ob-Chulym Interfluve]. Sibirskij arheologicheskij sbornik [Siberian Archaeological Collection]. Novosibirsk : Nauka, 1966. Pp. 164–182.

Matjushhenko V.I. Drevnjaja istorija naselenija lesnogo i lesostepnogo Priob'ja (neolit i bronzovyy vek). Elovsko-irmenskaja kul'tura [Ancient History of the Forest and Forest-Steppe Population of the Ob Region (Neolithic and Bronze Age). Elovo-Irmenski Culture]. Iz istorii Sibiri [From the History of Siberia]. Issue 12. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1974. 196 p.

Matjushhenko V.I., Igol'nikova L.G. Poselenie Elovka – pamjatnik vtorogo jetapa bronzovogo veka Srednej Obi [The Elovka Settlement – a Site of the Second Stage of the Bronze Age of the Middle Ob River]. Drevnjaja Sibir'. Vyp. 2 [Ancient Siberia. Issue 2]. Novosibirsk : Nauka, 1966. Pp. 183–195.

Posrednikov V.A. Tomskoe Priob'e v karasukskoe vremja [The Tomsk Ob Region in the Karasuk time]. Proishozhdenie aborigenov Sibiri i ih jazykov [Origin of the Aborigines of Siberia and Their Languages]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1969. 171p.

Troickaja T.N. Poselenie VII–VI vv. do n.je. u s. Zav'jalovo Novosibirskoj oblasti [Settlement of the 7th – 6th Centuries BC near the Zavyalovo village of the Novosibirsk Region]. KSIA. 1968. Issue 114. Pp. 99–104.

Troickaja T.N. Novosibirskoe Priob'e v VII–VI vv. do n.je. [Novosibirsk Ob Region in the 7th–6th centuries BC]. Voprosy arheologii Sibiri. Vyp. 38 [Questions of Archaeology of Siberia. Issue 38]. Novosibirsk : Novosib. gos. ped. in-t, 1972. Pp. 3–35.

Troickaja T.N. Karasukskaja jepoha v Novosibirskom Priob'e [Karasuk Era in the Novosibirsk Ob Area]. Bronzovyy i zheleznyj vek Sibiri. Drevnjaja Sibir'. Vyp. 4 [Bronze and Iron Age of Siberia. Ancient Siberia. Issue 4]. Novosibirsk : Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1974. Pp. 32–46.

Umanskij A.P. Mogil'nik karasukskogo vremeni u st. Plotinnaja po avarijnym raskopkam 1968 goda [The Burial Ground of the Karasuk Time near the Plotinnaya Station. Based on Emergency Excavations in 1968]. Arheologija i kraevedenie Altaja [Archaeology and Local History of Altai]. Barnaul : Altajskoe kn. izd-vo, 1972. Pp. 22–26.

Chlenova N.L. O kul'turah bronzovoj jepohi lesostepnoj zony Zapadnoj Sibiri [On the Cultures of the Bronze Age in the Forest-Steppe Zone of Western Siberia]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1955. №23. Pp. 38–57.

Chlenova N.L. Otchet o rabotah Altajskogo otrjada Zapadno-Sibirskoj jekspedicii. Raskopki kurganov u d. Kamyshehka v 1969 g. [Report on the Work of the Altai Detachment of the West Siberian Expedition. Excavations of Mounds near the Kamyshehka Village in 1969]. Arhiv IA RAN, R-1, №4020, 4020a [Archive IA RAS, R-1, No. 4020, 4020a]. M., 1969.

Jerdniev U.Je. Gorodishhe Majak. Nauchno-populjarnyj ocherk [The Site of Ancient Settlement Lighthouse. Popular Science Essay]. Kemerovo : Kemerovskoe kn. izd-vo, 1960. 68 p.

S.A. Kovalevsky

Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

**FORMATION OF CONCEPTUAL APPROACHES
IN STUDYING IRMEN ANTIQUITIES
(mid 1950s – 1960s)**

This paper studies the research concepts that developed in the mid 1950 – 1960 and related to the reconstruction of cultural and historical processes that took place in the territory of the south of Western Siberia during the Late Bronze Age. We have shown that the development of concepts took place at the beginning of the flowering of siberian archaeology on the basis of an increase in the source fund, large-scale excavations in previously known regions (Altai, Novosibirsk, Tomsk Ob River, Lower Pritomye) and in new territories (Kuznetsk Basin, Baraba, forest-steppe Priirtyshye). Analysis of the works of M.P. Gryaznov, N.L. Chlenova, M.F. Kosareva, T.N. Troitskaya and other authors made it possible to conduct their comparative analysis, to reveal the general and specific features, to show the ways of evolution of the views of researchers on such issues as the origin of culture, its component composition, chronology and periodization, interaction with other cultural entities, territorial boundaries, local differences, historical fate, as well as the reconstruction of social processes and economic activities. This made it possible to identify the peculiarities of the perception by the specialists studying the Irmen antiquities, characteristic precisely for this stage in the development of the archaeology of Siberia.

Key words: concept, siberian archaeology, Karasuk era, Irmen cultural and historical community, settlements, burial monuments.